

касались ее философского подтекста,⁵⁴ но обратим здесь внимание на роль «звука», также роднящую последнюю с «Водопадом» и подчеркнута выраженную в первых стихах оды:

Глагол времен! Металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня от жизни он,
Зовет — и к гробу приближает⁵⁵

В редакции 1783 г. Державин заменил третий стих стихом «Зовет меня, зовет твой стон», ставшим впоследствии нормативным при воспроизведении текста. Я. К. Грот это место комментирует следующим образом: «Здесь поэт обращается не к погребальному звону колокола, как некоторые думают, а к бою часов. Иначе выражения *глагол времен* и *твой стон приближает меня к гробу* не имели бы основания. Словом *стон* Державин не в одном этом месте означает звук хода часов» (I, 57—58). Далее Я. К. Грот приводит примеры из стихотворений «На выздоровление Мецената» и «Водопад», как бы подтверждающие ход его мысли, и заканчивает утверждением, что «эту мысль о значении боя часов заронило в душу Державина чтение Юнговых *Ночей*», представляя читателям старинный перевод надлежащего места, в котором, однако, упомянуты не только часы, но и «язык колокола». Так ли ощущал значение звука Державин? Отметим, что звукопись начальных стихов находится в непосредственной близости к самодовлеющему образу смерти, появляющемуся в шестом стихе первой строфы («Уже зубами Смерть скрежещет») и настолько грандиозному, что автору понадобится еще целых три строфы, чтобы его окончить опять-таки на звуковой реминисценции в четвертой строфе («Ея и грома не быстрее / Слетают к гордым вершинам»). Если судить по семантике стиха, начальный импульс слов «глагол времен» ближе к «удару судеб», заканчивающему оду, чем просто к механическому бою часов, который ему подчинен. Не менее важно, однако, что понятие «звука времени» также сопряжено с уже знакомым нам понятием о «текучести времени», связанного с топосом воды в последних стихах второй строфы:

⁵⁴ Как мы уже отметили, Державин, который в то время сильно увлекался Горацием не без содействия целого круга близких ему в это время друзей Львова, Капниста, Муравьева и т. д., начал увлекаться и другими поэтами этого времени. В связи с разработкой новых тем он быстро вырос сам и как поэт и как мыслитель. Как и на примере осмысления «Ключа Горация», в этом стихотворении Державин также дает новое толкование первоисточнику, который явно послужил отправным пунктом при создании этой блестящей оды, — поэме Э. Юнга «The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality», или, вернее, переводу А. М. Кутузова «Юнговы ноши», который стал доступен русскому читателю в 1778 г. Уже И. З. Серман показал, насколько Державин отходит от назиданий Юнга, особенно в последней строфе (см. *Серман И. З.* Гаврила Романович Державин. Л., 1967. С. 44).

⁵⁵ Привожу по Гроту (I, 54—56), но с учетом первоначальной редакции